

ЯЗЫК ЖУРНАЛИСТСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ СЛАВЯНСКОГО НАРОДА

Проблема «языка и национальной культуры» имеет многоаспектный характер и представляет собой своеобразную дихотомию, выражающуюся в том, что язык – отражение национальной культуры – представлен в речемыслительной деятельности (логосфере) носителей языка. Язык как система знаков отражает мир во всем его многообразии и служит ярким презентантом речемыслительной деятельности общества.

Человек, язык и культура находятся в постоянной корреляции, образуя своеобразный «триумвират», интересующий гуманитарные науки: журналистику, лингвокультурологию, эстетику, философию. Язык является первоосновой культуры, которая представляет соци-

альный продукт. По мнению А. Е. Супруна, язык, «с одной стороны, является одним из важнейших достижений истории человеческой, он выступает и как слагаемое культуры и как ее орудие. Однако, с другой стороны, в самой материи языка, в ряде существенных характеристик языковой структуры отразилась биологическая природа человека» [11, с. 48]. Взаимозависимые понятия язык-культура дихотомичны, потому что продуцируются в новых явлениях и одновременно поддерживаются укладом всего сущего.

Язык – наиболее глубокая всеопределяющая структура во всякой национальной культуре. По утверждению Вильгельма фон Гумбольдта, «язык всеми тончайшими фибрами своих корней связан с народным духом, это его внутренняя поэтическая энергия» [5, с. 18]. Известный исследователь Анна Вежбицкая приводит пример из области гастики: «В польском языке есть особые слова, обозначающие солянку из тушеной капусты (*bigos*), свекольный суп (*barszcz*) и особого рода сливовый джем (*powidla*). В английском языке таких слов нет. Но в нем есть, например, обозначение апельсинового джема – *marmalade*, а в японском – слово, означающее крепкий алкогольный напиток, приготовляемый из риса (*sake*)» [3, с. 15]. Белорусской культуре принадлежат слова *брыль*, *чыгунка*, *ваўкалак*, *знічка*, *неруш*, *здарожыцца*, *пасталець*. Перед нами так называемая безэквивалентная лексика, т. е. не имеющая переводных вариантов на другой язык. В работах И. Г. Шкрабы «Самабытнае слова» (1994) и в «Словаре белорусскоязычной безэквивалентной лексики (в русскоязычном отношении)» (2008) таких единиц приводится около 800 и около 2 000 соответственно. Именно эта лексика является аккумулятором обозначений специфических явлений национальной культуры.

По утверждению Н. Б. Мечковской, о доле безэквивалентной лексики в национальном словаре можно судить по следующим данным: русские безэквивалентные слова и обороты (*сельсовет*, *воскресник*, *гармошка*, *народоволец*, *бить челом*, *толстый журнал* и т. п.) составляют 6–7 % от общеупотребительной русской лексики. Англо-русский лингвострановедческий словарь «Великобритания» (далеко не исчерпывающий явление семантической конденсации) толкует 9 500 подобных слов и словосочетаний (включая и некоторые известные топонимы).

Язык как звучащая речь, посредством которой происходит общение, – самый важный инструмент коммуникации, то есть получения,

хранения, дешифровки, интерпретации культурных кодов. В своем живом проявлении речь не может существовать без ее носителя – человека, пребывающего в социальной среде и в некоторой степени ограниченного рамками культуры. Под воздействием культуры язык меняется, что проявляется в своеобразии самого процесса общения в разных культурах. Это может сказываться в некоторой специфике лексики и грамматики, а также в особенностях нормативно-стилистического уклада языка.

Воздействие культуры на язык ярко и целно проявляется в том, в каких формах существования, семиотических системах он представлен. Так, существует язык вербальный и невербальный, язык искусства, язык математики и т. д. Ч. У. Моррис отмечает, что «термин «язык», как и большинство терминов, относящихся к знакам, неоднозначен, поскольку его признаки могут быть сформулированы в терминах различных измерений. Представитель формальной логики склонен рассматривать язык как любую аксиоматическую систему, независимо от того, обозначает ли эта система какие-нибудь объекты и использует ли ее реально какая-либо группа интерпретаторов; и, наконец, представитель прагматизма склонен рассматривать язык как тип коммуникативной деятельности, социальной по происхождению сущности, с помощью которой члены социальной группы более успешно удовлетворяют свои индивидуальные и общие нужды» [7, с. 45].

Язык универсален, необходим для человека, так как это форма коммуникации и познания. Его «знаковая структура является дискретным слепком и морфологическим результатом рефлексии взаимодействия человека и природного универсума, возникающей на основе становления субъектно-объектных отношений» [12, с. 176]. На современном этапе наблюдается отказ от «имманентной» лингвистики, язык «становится все более *человечным*: в поле его зрения оказываются многие ранее даже не поднимавшиеся вопросы – этнографии речи, язык социального статуса, культурная семантика, национальная специфика семантики языка» [6, с. 10]. В свете антропологической парадигмы изучение языка как знаковой системы, включающей многогранный комплекс взаимосвязей с бытом, сознанием народа, а также процессы кодирования и декодирования культурных реалий, является предметом пристального внимания философов, лингвистов, культурологов (Б. Кроче, К. Фосслер, Л. Шпитцер, Марсель Гране,

Клод Леви-Строс, Жан Пиаже, Шарль Балли, Альф Sommerфельт, М. Фуко, Н. Хомский, А. Вежбицкая и др.).

Возникающий вопрос о взаимодействии текстовых кодов в культуре и вербалике подчинен проблеме детерминизма дихотомии *язык – культура*. В современной лингвистике, как правило, не ставится вопрос о детерминизме языка и культуры. Обращаясь к проблеме «язык и культура», ученые не стремятся решать, «что первично и что вторично»: язык или культура. Вернее, искать те или иные корреляции между структурами языка и культуры. Язык как сущность двусторонняя, состоящая из формы (звуки, графические символы, линии, объемы) и внутреннего значения (эмоциональность, психические процессы, умственная деятельность), специфичен в отражении вещного мира. Именно значение, которое вкладывается в знаковые формы, и является определяющим для данной культуры, общества, «культура в словаре – только культура, а сам словарь как целое представляет эту культуру» [8, с. 38]. Культура записывает явления в виде знаковых систем, а затем транслирует их и передает посредством (кода) языка, чем реализуется фатическая и коммуникативная функции в речемыслительной деятельности.

Человек неотделим от природы, и язык также подчинен ее власти. Возникает постоянное стремление человека к мимезису, поэтому, порождая культурные коды, он опирается на «дом» и «я». Это проявляется на различных уровнях языка, в частности, на фонетическом: «Во всех языках мира количество гласных и согласных и преобладание звуковых цепей с чередованием гласных и согласных обусловлено не культурой, а природой. Человек не в состоянии ни произносить, ни воспринимать речь из одних гласных или согласных» [11, с. 48], синтаксическом, семантическом: ограниченный объем оперативной памяти человека определяет среднюю длину предложения, размеры лексико-семантических групп, длину синонимического ряда и т. д.

Истоки изучения культурных кодов выросли из научных изысканий древности. Герменевтические исследования, толкования религиозных текстов (Веды, Коран) приводят к экспликации, обрисовке национального компонента определенной культуры, составлению «языкового портрета» народа. Так, основными нуминозными концептами древнеиндийских Вед являются *гора* и *вода*, которые очень четко указывают на ценностные установки индийской культуры. Гора – «устремление ввысь, избавление от бременного тела», вода означает растворенность человека как имманация бытия.

С. Рыжакова в статье «Индийские боги живут на деревьях» упоминает о том, что «горы и реки в индийской культуре, два символа вечности, образуют ландшафт Гархвала и становятся прообразом традиционного индуистского храма – с возвышающейся башней-виманой, похожей на горный пик, и струящейся внизу водой для омовений» [7]. В Коране представлены «следующие концепты: «Бог и человек, мир, путь (стезя, прямой путь), благо, истина. Нами были выделены и концепты: знание (книга, писание, перо, знать, ясный, знамение, откровение, тайное-явное, ясный и т. п.), количество (числа: 40 ночей, 12 источников, 4 птицы, 6 дней, пары, удвоить, умножить и т. п.). Особое место занимает концепт время. Во всех переводах Корана лексемы *день и час* имеют сакральное значение, обозначая срок (неосомненный, неотвратимый)» [1, с. 3].

Из вышеизложенного следует, что менталитет нации закодирован в языке. Например, категория темпоральности относительна в разных культурах. Индуисты относятся ко времени терпимо, как к трансцендентной сущности, корни которой уходят в небытие, вечность, для арабов же время более «материально», более точно и определимо.

Вопрос о корреляции «язык и национальная культура» также имеет глубокие корни. Так, древнегреческий мыслитель Гераклит Эфесский уделял большое внимание взаимосвязи культуры и языка. Философ ввел в научный обиход термин *логос* в значении ‘смысл, понятие, слово’. Логос представляет собой общий закон, смысл всего сущего, способ передачи мудрости от учителя к ученику. Логос вечен и отражает действительное знание вещей. Внутреннее наполнение постоянно обновляется, отодвигая свои пределы. В этом контексте употреблена знаменитая фраза Гераклита «Как в одну реку ты не вступишь дважды, так и пределов души ты не отыщешь, столь обширен ее логос». По мнению Гераклита, душа отражается в слове, понятии. Это дает возможность предположить, что древнегреческий мыслитель говорит о дуалистическом единстве язык-речь, а логос является ключом к познанию. Подобные суждения носили рудиментарный характер и не достигли окончательного развития.

Более строго и прямолинейно, ригористически и более основательно проблему онтологической природы языка осветил Вильгельм фон Гумбольдт. Он выдвинул деятельностно-энергетическую концепцию языка. Его труд «О различии строения человеческих языков и его

влияние на духовное развитие человечества» произвел переворот в языкознании. Ученый утверждает, что человек воспринимает предмет так, как преподносит его язык. «Каждый язык описывает вокруг народа круг, откуда ему не дано выйти постольку, поскольку он попадает в круг иного языка». В его научных работах отражается проблема языковых картин мира. «Понимая язык как орган, образующий мысль, Гумбольдт подчеркивает зависимость языка от мышления и обусловленность его каждым конкретным языком, заключающим в себе свою национальную самобытную классификационную систему, которая определяет мировоззрение носителей данного языка и формирует их картину мира. Говоря о том, что, овладевая другими языками, человек расширяет «диапазон человеческого существования», Гумбольдт имел в виду именно постижение при помощи языка – через «языковое мировидение» – картины мира другого народа» [2, с. 78]. По мнению В. фон Гумбольдта, язык – важный компонент культуры, хотя он менее всего осознаваем. В свою очередь, в языке нельзя видеть намеренное произведение народа, так как язык – доставшийся народу дар, при помощи которого человек становится деятельностью.

Последователи В. фон Гумбольдта занимались также изучением языка в неразрывной связи с культурой конкретного народа. Эрнст Кассирер, яркий представитель неогумбольдтианской школы, занимался вопросом роли языка в культуротворчестве. Человек живет в мире знаков, знание о мире корреспондируется посредством символики речи. Исходя из взаимообусловленности существа человека и культуры, Кассирер во «Введении в философию культуры» анализирует основные из существовавших в истории концепций человека и приходит к выводу, что «символ — ключ к природе человека».

Для описания мировоззрения и эмоциональной стороны человека, фиксированных в языке, используется термин концепт, который ввел С. А. Аскольдов, а развили учение о нем Д. С. Лихачев и Ю. С. Степанов. Д. С. Лихачев понимал концепт как отклики на предшествующий языковой опыт, то есть многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания мира, результаты человеческой деятельности, его опыт и знания о мире, хранящий информацию о нем [6, с. 35]. Концепт замещает слово схематично. Он ввел понятие концептосферы национального языка – сжатое алгебраическое выражение всей культуры нации.

В работах Ю. С. Степанова концепт представлен как единица культуры, способ ее отражения в сознании. Он утверждает, что «пронизование» человека культурой структурировано и осуществляется через ментальные образования, концепты – ступки культуры в сознании человека, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, заключаясь в языковые формы [10, с. 40]. То есть культура мыслится как нечто отдельное от человека, но вместе тем тесно связанное, «человек – не «творец культурных ценностей», а сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на нее» [11, с. 40].

Анна Вежицкая говорит о «сплетении» языка-культуры посредством концептов, семантический анализ которых «должны по возможности дать полное знание о понятиях, существующих в сознании носителей культур» [3, с. 289]. При помощи концептуального анализа можно исследовать культуру и язык. В своей работе «Семантические универсалии и описание языков» А. Вежицкая подробно описывает все валентности слов и указывает на то, как они могут заполняться, а также раскрывает их роль в культуре.

Через языковые концепты можно представить определенные коммуникативные установки, характеризующие полномасштабно их производителя. Так, в газете «СБ. Беларусь сегодня» превагируют соматизмы *глаза* и *рот*, что можно квалифицировать на паравербальном уровне как факт «смотрения» и «говорения», т. е. синхронного описания происходящего, фиксирования медиасобытия (глаза), оповещения, интерпретации происходящего (рот). В философском преломлении реализуется формула «смотрю и говорю», которая может вывести на раскодирование информационных сегментов самого издания.

Соматическое наполнение кода газеты «Звезда» можно охарактеризовать концептами «глаза», «руки», что свидетельствует о формульной установке «видения» и «возделывания»: «смотрю» и «делаю».

«Gazeta Wyborcza» имплицитно себя в соматизмах *руки* и *сердце*, что напрямую связано с общественным и государственным укладом жизни поляков, и, в первую очередь, с глубокой религиозностью: «делаю, что чувствую».

Тексты рассматриваемых изданий кодированы в силу своей культуроспецифичности: в каждой культуре поведение людей регулируется стереотипами. В их возникновении и культивировании огромную роль играют СМИ – фундамент социального опыта и ментального мира носителей конкретного языка.

Литература

1. Аминова, А. А. Концепты мусульманского мира в языке разновременных переводов Корана на русский язык / А. А. Аминова // Концептуально-семантический и системно-функциональный аспекты: материалы итоговой научной конференции. – Казань, 2002.
2. Андрющенко, Н. А. Проблема языка и картины мира в философии культуры XX века / Н. А. Андрющенко // Философия культуры. Становление и развитие. – СПб., 1998. – С. 78.
3. Вежбицкая, А. Понимание культур и описание языков / А. Вежбицкая // Семантические универсалии и описание языков; под ред. Т. В. Булыгиной. – М., 1999. – С. 15.
4. Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М., 1983. – С. 55–68.
5. Гудков, Д. Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М., 2007.
6. Красавкий, Н. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н. Красавкий. – М. 2008. – С. 10.
7. Моррис, Ч. У. Основания теории знаков / Ч. У. Моррис // Семиотика; под ред. Ю. С. Степанова. – М., 1983. – С. 19–22.
8. Рождественский, Ю. В. Философия языка и учебный предмет / Ю. В. Рождественский. – М., 2006. – С. 38.
9. Сайфи, Л. А. Концептуализация соматического образа человека в языке и дискурсивных практиках : автореф. ... канд. филол. наук / Л. А. Сайфи. – Уфа, 2008.
10. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М., 1997. – С. 40.
11. Супрун, А. Е. Общее языкознание / А. Е. Супрун. – Минск, 1983. – С. 48.
12. Яковенко, И. Г. Культура как система / И. Г. Яковенко, А. А. Пелипенко. – М., 1998. – С. 176.